

ЕЩЕ О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ.

Въ одной изъ предыдущихъ своихъ замѣтокъ („Такъ называемая религія здраваго смысла“) на страницахъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ мы имѣли случай дать краткую характеристику Льва Толстого со стороны его недостатковъ и ошибокъ въ отношеніи къ религіи и морали. Но—не сомнѣваемся—было бы совершенно несправедливо, говоря объ ошибкахъ и недостаткахъ Толстого, замалчивать его достоинства или заслуги.

Но есть ли таковыя за Львомъ Толстымъ?

Конечно, послѣ всего того, что извѣстно о міровомъ писателѣ, было бы только странно предполагать обратное. Однако, если нѣкоторые находятъ возможнымъ говорить о цѣломъ *рядѣ* заслугъ Толстого въ отношеніи къ религіи и морали или—лучше—къ религіозности, мы здѣсь хотѣли бы указать на *одну* изъ нихъ, именно на ту, которая на нашъ взглядъ представляется и наиболѣе существенной и наиболѣе бесспорной.

Извѣстно, что основнымъ человѣческимъ грѣхомъ является грѣхъ самолюбія, или эгоизмъ. Черезъ этотъ грѣхъ отпалъ нѣкогда отъ Бога первый „свѣтоносецъ“, черезъ него же лишилась вѣчно-блаженной жизни первая человѣческая чета, этотъ же грѣхъ производитъ всю трагическую дисгармонію и во всѣхъ областяхъ нашей теперешней жизни, — въ области ли государственной, гдѣ эгоизмъ поднимаетъ одинъ народъ на другой, въ области ли общественной, гдѣ онъ же вооружаетъ классъ на классъ, въ области ли семейной, гдѣ неуступчивое отстаиваніе личныхъ, эгоистическихъ интересовъ производитъ разладъ и всякаго рода нестроенія въ отношеніяхъ родителей и дѣтей, или же — наконецъ — въ области единичнаго, индивидуальнаго сознанія, гдѣ грѣхъ себялюбія порождаетъ то тревожное раздвоеніе духа, на которое согласно указываютъ какъ Писаніе (напр., Римл. VII, 14—25), такъ равно и всѣ наиболѣе тонкіе наблюдатели интимныхъ переживаній человѣческой души (таковы — главнымъ образомъ — поэты; припомн., напр., Лермонтова: „По небу полуночи“ ..., Гете — Фауста: „Ахъ, двѣ души во мнѣ“ ... и т. д.). Въ виду такого безгранично-широкаго господства эгоизма въ человѣческой жизни, нельзя не сказать, что если — по апостолу — весь міръ лежитъ во злѣ, то самое это зло лежитъ не гдѣ либо, а именно въ человѣческомъ себялюбіи¹⁾. Грѣхъ эгоизма такъ могущественъ

¹⁾ *Примѣчаніе.* Попутно не можемъ не указать на слѣдующее характерное явленіе въ современномъ литературномъ мірѣ. — Послѣ чуть ли не эпидемическаго увлеченія различными юридическими и политико-экономическими идеями и проблемами послѣдняго времени, а потомъ — пресловутой санниковой проповѣдью свободы половыхъ и всякихъ другихъ отношеній, теперь въ нашемъ обществѣ замѣчается довольно опредѣленный уклонъ въ сторону интересовъ религіозныхъ. Художественная литература живо отражаетъ этотъ переломъ въ русскомъ общественномъ сознаніи. Такъ, М. Горькій, столь ярко до сихъ поръ заявлявшій себя прямыми антирелигіозными и антиморальными, такъ называемыми „нищенскими“, выступленіями, въ самомъ послѣднемъ своемъ произведеніи „Исповѣдь“ (XXIII сборникъ „Знанія“) пишетъ уже въ новыхъ тонахъ: „Началась, — говоритъ онъ, — дрянная и недостойная разума человѣческаго жизнь съ того дня, какъ первая человѣческая личность... сжалась... въ ничтожный и злой комокъ мелкихъ желаній, — комокъ, который наречень былъ я. Вотъ это самое „я“ и есть злѣйшій врагъ чловѣка! На дѣло самозащиты своей и утвержденія своего среди земли оно бесполезно убило силы духа, всѣ великія способности „къ созданію духовныхъ благъ“. — Фактъ чрезвычайнаго значенія и вполнѣ заслуживаетъ особаго нашего вниманія, въ виду чего мы и позволили себѣ отступленіе въ сторону отъ прямого своего разсужденія.

и такъ глубоко и цѣпко укоренился въ человѣческой природѣ, что для того, чтобы указать человѣку путь и дать ему средства къ освобожденію изъ-подъ тиранническаго ига грѣха, необходимо было воплощеніе Единороднаго Божьяго Сына, нужны были голгоускія страданія и крестная смерть Богочеловѣка.

Если столь могуча темная власть человѣческаго эгоизма, то ясно, съ какой радостной готовностью мы должны привѣтствовать всякій протестъ противъ этого грѣха, какой высокой цѣной должны оцѣнивать всякое открытое выступленіе противъ него, всякую попытку высвободиться и высвободить изъ подъ его мучительно-тягостнаго гнета.

Разсматривая же литературную дѣятельность Льва Толстого (о личной жизни писателя мы не говоримъ) какъ религіозно-философскую, такъ и художественную, мы и видимъ, что вся она отъ начала и до конца и представляетъ собою ни что иное, какъ непрерывный походъ противъ человѣческаго эгоизма.

Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что Толстой всю человѣческую жизнь, равно какъ и всѣхъ людей, дѣлитъ на двѣ большихъ сферы. Если въ одной сферѣ люди весь смыслъ своего существованія полагаютъ въ самоотреченіи, въ самопожертвованіи, въ безкорыстномъ служеніи ближнимъ, то — наоборотъ — въ другой сферѣ люди не находятъ въ жизни никакого смысла, если въ ней нѣтъ эгоистической заботы о своемъ я, если въ ней отсутствуетъ возможность какимъ либо — хотя бы чисто искусственнымъ — путемъ выдвинуть впередъ свою личность, поставить ее возможно выше другихъ личностей, если въ жизни не допускается и не освящается аффектація въ словахъ или поступкахъ и т. п. Въ одной категоріи людей — по Толстому — утверждается безкорыстная любовь къ ближнимъ, въ другой — корыстная любовь только къ собственному я. Вотъ въ схематическихъ чертахъ взглядъ Толстого на людей и на жизнь.

Къ первой категоріи людей Толстой, какъ это мы видимъ — главнымъ образомъ — изъ его художественныхъ произ-

веденій, относить весь нашъ русскій народъ, всѣхъ этихъ „труждающихся и обремененныхъ“, которыхъ онъ въ изобиліи выводитъ и въ различныхъ мелкихъ своихъ рассказахъ и сказкахъ послѣдняго времени, и въ прежнихъ крупныхъ своихъ повѣстяхъ и романахъ то подъ видомъ просто мужиковъ, какъ напр., въ „*Утрѣ помѣщика*“, во „*Власти тьмы*“ (особен. *Акимъ*), въ „*Плодахъ просвѣщенія*“, то подъ видомъ солдатъ, какъ въ „*Севастопольскихъ разсказахъ*“, въ „*Войнѣ и мирѣ*“. (*Платонъ Каратаевъ*) и т. д. Сюда же Толстой относитъ и всѣхъ тѣхъ представителей высшихъ классовъ общества и интеллигенціи, которые или въ силу особо интенсивной и сосредоточенной работы надъ своимъ духовнымъ совершенствованіемъ, или же въ силу глубокаго и серьезнаго разочарованія во всѣхъ культурно-интеллигентскихъ идеалахъ приходили къ выводу, что истинно-человѣческая жизнь—это только та, которой живетъ народъ, и что единственно-истинное міросозерцаніе—это глубоко-религіозное (хотя и далеко невѣрно понимаемое Толстымъ) міросозерцаніе народное. Таковы, напр., княжна *Марія* въ „*Войнѣ и мирѣ*“, до нѣкоторой степени *Оленинъ* въ „*Казакахъ*“, *Нежлюдовъ* въ „*Утрѣ помѣщика*“ и въ „*Воскресеніи*“, *Андрей Болконскій* и—особенно—*Пьеръ Безухій* въ „*Войнѣ и мирѣ*“, *Константинъ Левинъ* въ „*Аннѣ Карениной*“ и т. д.

Во второй категоріи людей мы видимъ у Толстого преимущественно представителей высшаго общества и нѣкоторой части интеллигенціи, которые всю свою жизнь посвящаютъ служенію своему я, своимъ эгоистическимъ интересамъ, то грубымъ и низменнымъ, какъ *Михайловъ* и *Калугинъ* въ „*Севастопольскихъ разсказахъ*“, *Василій Леонидовичъ*, *Петрищевъ*, и—до нѣкоторой степени—*Коко* въ „*Плодахъ просвѣщенія*“, *Анатолий Курагинъ* и *Долоховъ* въ „*Войнѣ и мирѣ*“, *Вронскій* и *Стива Облонскій* въ „*Аннѣ Карениной*“, *Колосовъ* и друг. въ „*Воскресеніи*“, то—изысканно-утонченнымъ и quasi облагороженнымъ, какъ *Оленинъ* до своего обращенія,

чета *Звѣдичевыхъ*, *Бетси*, профессоръ *Кругосвѣтловъ* и др. въ „*Плодахъ просвѣщенія*“, *Андрей Болконскій* и *Пьеръ Безухій* въ первые періоды своей жизни, а равно *Нехлюдовъ* въ „*Воскресеніи*“ и т. д.

Толстой писатель вполне объективный. Обрисовывая тѣ или другіе литературные характеры, онъ почти нигдѣ не выражаетъ своего субъективнаго отношенія къ нимъ, не высказываетъ къ нимъ ни симпатіи или восхищенія, ни антипатіи, прони, сарказма или отвращенія. Но Толстой художникъ гениальный. Обрисовывая литературные типы въ чисто объективныхъ штрихахъ, онъ все же заставляетъ насъ къ однимъ изъ нихъ отнестись съ глубокой симпатіей, съ восторгомъ и съ любовью, отъ другихъ же властно побуждаетъ отвернуться для того, чтобы навсегда забыть о нихъ, а если и вспомнить, то для того лишь, чтобы лишній разъ проникнуться отвращеніемъ къ нимъ и—благодаря этому—не воспроизвести ихъ въ нашихъ личныхъ характерахъ, въ нашей личной жизни и дѣятельности. Пусть Платонъ Каратаевъ въ „*Войнѣ и мирѣ*“ слишкомъ простъ, необразованъ и даже невѣжественъ, но когда Толстой художнически характеризуетъ его какъ человѣка, который просто понять не можетъ, что значить жить въ любви къ ближнимъ, который ко всѣмъ, съ кѣмъ ни встрѣчается, полонъ только любви и безграничной и искренней преданности и который всегда, несмотря на тяжелыя условія жизни, несмотря даже на плѣнь, сохранялъ удивительную бодрость и веселость духа и никогда не терялъ свѣтлой и крѣпкой вѣры въ конечное торжество правды и нравственнаго „*благообразія*“; когда Толстой обрисовываетъ внутренній складъ Каратаева такими трогательными и глубоко-симпатичными чертами, то мы дѣйствительно не можемъ не признать, что не только самъ Каратаевъ долженъ быть подлинно счастливымъ человѣкомъ, но что онъ и другимъ, какъ напр.—Пьеру Безухому, можетъ указать путь къ истинно-осмысленной и счастливой жизни. Наоборотъ: кромѣ сожалѣ-

нія, презрѣнія и—иногда—остраго раздраженія ничего не возбуждаютъ въ насъ такіе герои Толстого, у которыхъ вся жизнь протекаетъ то въ тонкихъ, то въ грубыхъ, но всегда въ личныхъ, всегда въ эгоистическихъ уладахъ, которые ничего не знаютъ, кромѣ своего я, часто поразительно мелкаго, пошлаго и грязнаго. Что изъ того, если совнѣ жизнь такихъ людей блестяща, богата, пышна? Вѣдь вся эта роскошь не ихъ заслуга, и все это богатство нисколько не улучшаетъ и не облагораживаетъ ихъ жизни по внутренней ея сторонѣ? Что и изъ того, если у этихъ людей есть наука, искусство, право и т. д.? Имѣеть ли какой либо смыслъ „писаніе законовъ“, а также разныя науки и искусства, если люди, подобно Пьеру Безухому до его обращенія, прибѣгаютъ къ нимъ не какъ къ чему либо, имѣющему значеніе для общечеловѣческаго или даже личнаго блага, а только какъ къ средствамъ хоть чѣмъ нибудь заполнить пустую, праздную и лживую жизнь, въ которой нѣтъ ни Бога, ни любви, и надъ которой деспотически властвуетъ одинъ только грубый эгоизмъ? Высокой ли цѣной будетъ оцѣниваться такая наука или такое искусство, которыя сами-то адепты ихъ трактуютъ наравнѣ съ картами, женщинами, лошадьми, игрушками, охотой и виномъ и считаютъ не болѣе, какъ способомъ забыть объ идеальныхъ требованіяхъ жизни, уйти отъ нихъ, спастись отъ самой жизни и „не видѣть ее, эту страшную ее“ (Пьеръ Безухій).

Грубая, животная, эгоистическая жизнь безъ Бога, безъ любви, *безъ всякой религіи*—вотъ отъ чего хочетъ Толстой отвести людей своей литературной проповѣдью, вотъ съ чѣмъ онъ борется почти въ теченіе всей своей 80-лѣтней жизни. И—думается—въ этой проповѣди Толстого трудно не видѣть неоспоримой его заслуги въ смыслѣ *возбужденія религіозности въ совершенно нерелигіозныхъ людяхъ*. Правда, Толстой, *ведетъ* людей—своихъ читателей и поклонниковъ—*не туда, куда нужно*, не къ живому и личному христіанскому Богу, а къ Богу своему, безличному и бездушному, и въ этомъ заклю-

чается великій грѣхъ Толстого противъ религіи. Но думается, что уже одно то, что онъ отводитъ людей именно отъ того, отъ чего ихъ нужно отводить, т. е. отводитъ отъ низменной, эгоистической и совершенно безрелигіозной жизни, — это должно въ той или другой мѣрѣ облегчать тяжесть его поистинѣ тяжелаго грѣха и — во всякомъ случаѣ — должно давать намъ извѣстное основаніе сказать, что Толстой, какъ вождь современнаго человѣческаго общества и властитель его думъ, заблуждается глубоко и во многомъ, но не во всемъ.

Н. Колосовъ (Н. В—нь).

